

Доктор Дэвид А. ДеСильва, 2 Питер и Джуд Сессия 1

Исследуя контекст Второго послания Петра, мы поднимаем больше вопросов, чем можем дать однозначных ответов, что может вызвать у некоторых затруднения при работе с этим текстом. Существуют серьёзные сомнения относительно авторства послания и того, в каком смысле, если таковой имеется, его содержание связано со словами самого апостола Петра. Нам совершенно неясно, где именно состоялась аудиенция, даже если послание было написано Петром.

Лишь повод и суть письма, написанного в ответ на эти насущные проблемы, представляются достаточно ясными, но именно они являются наиболее важными основами для толкования текста и понимания его постоянных наставлений. 2-е Послание Петра примечательно тем, что адаптирует предостережение Иуды к новой ситуации, но 2-е Послание Петра также представляет собой текст совершенно иного рода. Если Послание Иуды глубоко пропитано палестинскими еврейскими традициями, то 2-е Послание Петра – один из самых эллинизированных текстов Нового Завета.

Его начало читается как благотворительная надпись из греческого города. Его заключение читается как спор с проповедниками, на которых слишком сильное влияние оказала школа Эпикура, влиятельного греческого философа конца IV – начала III веков до н. э. Обращаясь к весьма конкретным проблемам своих слушателей, Второе послание Петра указывает читателям всех эпох два главных ориентира нашей жизни: искупление Христом прошлых грехов и пришествие Христа для суда, которое должно возвестить Царство, где обитает праведность.

И это бросает нам вызов. Какими же людьми должны быть мы, чтобы чтить наше драгоценное искупление и жить так, чтобы и нам найти пристанище в новом творении Божьем? 2-е Послание Петра было написано в ответ на деятельность учителей-новаторов. Автор даёт первое и ясное указание на это во 2-й главе, стихе 1. Но появились и лжепророки в народе, как и у вас появятся лжеучители, которые тайно вводят пагубные секты и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекают на себя скорую гибель.

Остальная часть второй главы посвящена теме этих злоумышленников и подчёркиванию их постыдного характера и нечестивых практик, которые они приносят с собой, тем самым также подчёркивая их цель – подорвать их влияние и привлекательность их учения. Более ясная картина взглядов этих учителей проступает в третьей главе, стихах 3 и 4. Знайте это заранее. В последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо со смертью отцов наших всё остаётся так же от начала творения.

Авторское толкование языка скептика допускает множество толкований. Можно было бы воспринять это просто как утверждение о кажущейся бесконечности потока

человеческой истории, в который Бог, как известно, не вмешался каким-либо кардинальным образом, чтобы исцелить неправду и пролить свет на праведность. Однако это можно было бы воспринять и как отрицание раннего христианского убеждения в том, что Иисус скоро вернётся, возможно, ещё при жизни своих учеников и соратников, чтобы установить Царство Божье во всей его полноте.

Иисус действительно помнил слова о том, что некоторые из присутствовавших с ним во время его земного служения, цитирую, увидят, что Царствие Божие пришло в силе. И всё же к 64 году н.э. большая часть поколения апостолов и первых последователей Иисуса фактически ушла из жизни, так и не увидев наступления Царства. На протяжении почти 21 века христианской истории тот факт, что суд и второе пришествие не материализовались каким-либо образом, который можно было бы хоть отдалённо назвать «скорым» или «быстрым», часто использовался для того, чтобы призвать отказаться от апокалиптической надежды в пользу переосмысления христианских ожиданий и, следовательно, действий по отношению к нынешнему миру как к миру, по сути, бесконечному.

Учителя, которым противостоит наш автор, возможно, были первыми, кто выдвинул такую позицию. По их мнению, жизнь целого поколения ставит под сомнение учение апостолов и, более того, предполагаемое учение Иисуса о конце века, а также свидетельство Ветхого Завета о некоем дне Господнем. Отсюда и защита нашим автором как апостольского, так и библейского свидетельства во 2-м Послании Петра 1, стихах 16–21.

Эти учителя-соперники, возможно, стремились взрастить то, что они считали бы более просвещённым христианством, свободным от иудейских апокалиптических представлений, которые могли казаться им отсталыми и провинциальными. Более того, их скептицизм часто сравнивали со скептицизмом эпикуреизма, одного из трёх основных направлений философской мысли римского периода наряду со стоицизмом и средним платонизмом. Эпикур определял высшее благо как атараксию, безмятежное существование.

Устранение эмоций и других стимулов, вызывающих беспокойство, страх, гнев, тревогу и алчность, стало главной целью самоконтроля и дисциплины эпикурейцев. Эпикур учил, что боги, будучи богами, сами обладают высшим благом и потому не подвержены влиянию человеческих дел. Как цитировал Эпикура Диоген Лаэртский, блаженное и вечное существо само не испытывает беспокойства и не причиняет беспокойства никакому другому существу.

Следовательно, он свободен от гнева или пристрастности. Эпикур прямо пришел к выводу, что боги не заботятся о наказании тех, кто поступает злобно, и о благосклонности и вознаграждении тех, кто поступает благородно. Те, кто следовал взглядам Эпикура, указывали на тот факт, что так много злодеев так долго оставались безнаказанными, иногда всю свою жизнь, как на доказательство того, что вера в божественное провидение и суд — всего лишь суеверие.

Целью Эпикура было освободить людей от религиозной тирании страха и тем самым устранить один из главных источников тревоги и беспокойства в человеческом опыте.

К сожалению, довольно частым побочным эффектом его учения стала склонность отбрасывать традиционную мораль в пользу «ловли момента» и наслаждения. Конечно, сам Эпикур говорил об удовольствии как о продукте своей философии, но сам он понимал удовольствие исключительно как безмятежность, а не как бесстыдное потворство своим желаниям, которое, по его мнению, нарушало бы покой человека.

Именно на этом фоне большинство учёных теперь рассматривают просвещённых учителей-соперников, противопоставленных во Втором послании Петра. Их вопрос о том, где же обетование Его пришествия, который, судя по ответу нашего автора, также подразумевал отрицание Божьего суда вообще и будущего суда в частности, направляет эпикурейскую критику христианского Евангелия. Аналогичным образом, автор представляет учителей как обещающих свободу, явную эпикурейскую цель, в то время как сами они являются рабами тления, распространённым следствием эпикурейства, прожитого в нищете.

Таким образом, остальная часть 3-й главы Второго послания Петра посвящена подтверждению библейского и апостольского обетования, как в отношении дня ответственности перед Богом, так и в отношении разрушения нынешнего космоса в пользу нового творения. Она также посвящена ответу на возражения оппозиционного учителя против убеждения, которое впоследствии будет закреплено в Никейском Символе веры. Он придет снова судить живых и мертвых, и Царству Его не будет конца.

По-видимому, отрицание, подобно утверждению о Судном дне, от которого будет зависеть вечность в обновлённом космосе, имело серьёзные последствия для этической практики. Это проявляется как в критике автором этической распущенности учителей-соперников на протяжении всей второй главы, так и в его призыве к стремлению к праведности и святости среди своих слушателей в третьей главе. Возвращаясь к первой главе, мы видим, что автор уже готовился ответить на эти вопросы. Вторая половина первой главы посвящена преображению Иисуса, которое здесь рассматривается как пророческое предзнаменование славы, которую Иисус принесёт во время своего Второго пришествия.

Действительно, само событие преображения предлагается как свидетельство этого Второго пришествия, противопоставляя его сомнениям, высказанным учителями-соперниками. Таким образом, первый абзац первой главы посвящен этическому императиву христианской жизни. Наше очищение от прошлых грехов должно побуждать нас двигаться вперед по пути к святости и праведности, к которому нас Сам Бог в полной мере подготовил, в противовес этическому пути, которому следовали и которому учили учителя-соперники.

Как и в послании Иуды, наиболее спорными словами во Втором послании Петра являются первые слова: Симеон Пётр. Симеон Пётр, раб и апостол Иисуса Христа. Послание явно представляет собой текст, написанный апостолом Петром.

Использование двойного имени делает это еще яснее, незадолго до его мученической смерти в последние годы правления Нерона, где-то между 64 и 68 годами. Подобно

Павлу, Иакову, Иуде и Иоанну Провидцу, здесь Петр, хотя и не в 1 Петра, называет себя и рабом, и апостолом Иисуса Христа.

Первое подразумевает притязание действовать исключительно от имени Иисуса, а не от своего собственного. И хотя рабство в целом считалось униженным статусом по отношению к божественному существу, оно также подразумевало притязание на почетное звание представителя и члена божественного семейства. Термин «апостол» также подразумевает как действия в качестве назначенного посланника Иисуса Христа, так и как лицо, наделенное властью того, кого он или она представляет.

Однако ряд особенностей этого послания заставляет читателей задуматься о том, что оно исходит из мыслей или уст Симеона Петра. Прежде всего, плотный, даже несколько небрежный греческий стиль письма кажется слишком напыщенным для человека, который когда-то был рыбаком в Галилее, независимо от того, сколько служения в грекоязычных регионах он совершил во второй половине своей жизни. Стиль также существенно отличается от стиля Первого послания Петра, которое и без того было весьма напыщенным для упомянутого галилейского рыбака.

Во-вторых, некоторые мысли сугубо греческие и совершенно неиудейские. Например, спасение здесь понимается как приобщение к божественной природе и избавление от тлена, присущего миру, вызванного желанием, – два очень греческих понятия. Место наказания называется Тартаром – более специфическое название, чем общие термины «Аид» или «Шеол», и к тому же сугубо греческое, относящееся к сфере наказания в греческой мифологии.

В-третьих, в язык Второго послания Петра вплетено очень мало фраз из иудейских писаний, что особенно необычно в свете обилия подобных фраз в Первом послании. Вопросы об авторстве послания не являются современным явлением, о чём свидетельствует Евсевий, писавший в начале IV века. Пётр, на котором основана Церковь Христова, оставил одно признанное послание, и, возможно, это также и второе, поскольку это вызывает сомнения.

Осознание стилистических и концептуальных проблем, связанных с приписыванием послания Петру, было отмечено Иеронимом в V веке. Два послания, дошедшие до нас от Петра, также различаются по стилю, характеру и структуре текста, из чего следует, что он при необходимости пользовался услугами разных переводчиков. Предложенное Иеронимом решение остаётся важным соображением для любой теории авторства, стремящейся сохранить прямую связь между посланием и апостолом.

Переводчик, или как мы понимаем помощника-секретаря, придал письму его специфическую формулировку. Суть, возможно, действительно петровская. Сама формулировка, конечно, не та.

Жан Кальвин также открыто поднял этот вопрос во введении к своему комментарию ко Второму посланию Петра. Поскольку там указано его имя, было бы недостойно служителя Христа выдавать себя за другого человека. Следовательно, это послание должно было исходить от Петра, не потому, что он сам его написал, а потому, что кто-

то из его учеников по его повелению изложил письменно то, чего требовала необходимость времени, хотя я и не понимаю здесь языка Петра.

Стоит отметить неоспоримое предположение Кальвина по этому вопросу. Второе послание Петра не может быть псевдонимом, поскольку такой вымысел был бы недостойн слугителя Христа. Стоит задаться вопросом, разделяли ли бы его точку зрения жители Средиземноморья конца I века.

Тем не менее, вывод Кальвина, по сути совпадающий с выводом Иеронима, крайне важен. И снова, если между посланием и апостолом и существует какая-либо связь, то она весьма прочно опосредована неизвестным христианским мастером слова, которому Пётр поручил письменное выражение своих мыслей. Подобно Иерониму, Кальвин также признаёт масштабность этого опосредования, приписывая послание апостолу в целом.

Я не узнаю здесь язык Петра, под которым он мог бы подразумевать речь, приписываемую Петру в Деяниях, или формулировки Первого послания Петра. Некоторая степень посредничества между автором и текстом вовсе не редкость в древнем мире, в том числе и на страницах Нового Завета. Достаточно вспомнить послания Павла, написанные с помощью писца или секретаря.

Мы даже знаем имя того, кто участвовал в написании Послания к Римлянам – Терций. Стилистические различия между Первым и Вторым посланиями Петра должны насторожить нас, как они насторожили Иеронима и Кальвина, насколько этот часто невидимый автор участвовал и внёс свой вклад в создание конечного продукта. Первый сценарий, который мы могли бы представить для составления Второго послания Петра, как мы только что рассмотрели, – это когда Пётр разрешает написать от его имени письмо, стиль и стиль которого, а также, в неизвестной степени, содержание, были предоставлены этим доверенным лицом.

Многие исследователи, однако, склоняются ко второму сценарию, согласно которому верующий христианин пишет послание от имени Петра, чтобы использовать авторитет апостола и, вполне вероятно, его учение для решения проблем, возникших после смерти Петра, защищая апостольскую традицию от соперничающих учителей, которые ставят под угрозу наследие, завещанное им Петром и его апостольскими братьями. Согласно этому сценарию, Второе послание Петра – это псевдонимное произведение, то есть произведение с ложным авторством. Одним из контекстуальных факторов, на которые обычно указывают подобные исследователи, является существование жанра Завета – текста, который якобы содержит предсмертную речь знаменитой и важной фигуры прошлого, дающую наставления своим потомкам, часто также содержащую личные воспоминания о событиях из жизни этого человека, а также предсказания будущего, поскольку приближение смерти часто считалось также временем ясновидения.

Сохранилось множество образцов этого жанра. Среди наиболее известных — Заветы двенадцати патриархов, Завет Авраама, Завет Моисея и Завет Иова. Исследователи отмечают ряд сходств между Вторым посланием Петра и этими Заветами.

Во-первых, Пётр включает воспоминания о своём опыте, в частности, о преображении в стихах 116–118. В стихах 112–115 Пётр выражает осознание своей неминуемой смерти и, следовательно, желание дать моральное наставление. В-третьих, само содержание этого морального наставления, которое прослеживается на протяжении всего письма.

И, в-четвёртых, предсказания настоящего и будущего кризиса, а также окончательного вмешательства Бога. Второе послание Петра, конечно же, составлено в форме письма. Можно утверждать, что типичная форма апостольского послания – письмо – была бы более уместна для апостольского завещания.

Другие возможные признаки псевдонимности включают, во-первых, замечание скептика. Где же обетование Его пришествия? С тех пор, как уснули отцы, всё остаётся так же, как было от начала творения. Конкретные скептические высказывания, приписываемые этим насмешникам, приобретут наибольшую силу после смерти всех апостолов, бывших с Иисусом, то есть после провала подобных высказываний, которые мы находим в Евангелии от Марка.

Незадолго до Своего преобразования Иисус сказал: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе». И снова, в разгар Своей апокалиптической проповеди, Иисус утверждает: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это произойдет». Некоторые отмечают, что предсказания о лжеучителях в первых стихах 2-й и 3-й глав сделаны в будущем времени, но они применяются в настоящем времени к людям, в настоящее время доставляющим беспокойство общине или общинам, к которым обращено послание.

Эти учёные предполагают, что таким образом автор-псевдоним, во-первых, утверждает, что подлинные апостольские предсказания и наставления, данные десятилетия назад, теперь исполняются, поскольку лжеучители продолжают свою работу в присутствии как автора, так и аудитории. Включение автором материала из Послания Иуды после серьёзного редактирования также часто рассматривается как более соответствующее авторству послепостольского периода, чем авторству Петра, в результате чего материал остаётся апостольским, хотя и не полностью петровским. Сторонники второго варианта, конечно же, также указывают на стиль и лексику греческого текста как на явно непетровские.

Прежде чем окончательно отвергнуть эту возможность, следует учесть, что в античном мире псевдонимное авторство в одних случаях могло быть воспринято как обман с дурными намерениями, а в других — как искренняя дань уважения, продиктованная желанием продолжить или сохранить учение почитаемой личности. В качестве примера можно привести Пифагора, греческого философа и математика VI века до н. э. Сам он ничего не написал, но древние каталоги книг приписывают ему сотни названий, некоторые из которых дошли до нас в виде полных рукописей.

Его ученики собирали и записывали то, что помнили из его учений по различным предметам, и публиковали их под именем учителя, а не под своим собственным, поскольку считали более правильным приписывать учителю содержание, изначально

придуманное им, хотя оно и было записано только благодаря их посредничеству. Однако теория псевдонимного авторства сталкивается с одним серьёзным препятствием в отношении Второго послания Петра. Руководители ранней церкви, по всей видимости, никогда не допускали использование псевдонимов как приемлемую практику.

Вероятно, это является результатом широкого использования псевдонимов во II и III веках для пропаганды еретических верований, выдаваемых за тайные учения Иоанна, Иакова или Фомы. Но даже в целом безобидное произведение, если бы выяснилось, что оно написано под псевдонимом, было бы отвергнуто. Следовательно, попытки обеспечить место в каноне таким посланиям, как Послание Иуды и Второе послание Петра, неизбежно подразумевали подтверждение их подлинности как апостольских писаний.

Так что это своего рода палка о двух концах. Придание большого значения содержанию текста привело бы к утверждению о его подлинности как апостольского свидетельства, независимо от того, был ли он написан этим апостолом. Авторство Второго послания Петра остаётся неясным вопросом, и простое игнорирование половины доказательств означало бы демонстрацию всей сложности доказательств.

Однако мы можем с уверенностью сказать, что послание ясно отражает апостольское содержание: повествование о преображении, предостережения о лжеучителях, заверение в Божьем суде над нечестивыми и спасении верующих. Оно также отражает апостольский замысел, а именно стремление поддерживать в своих читателях, выражаясь словами Иуды, веру, раз и навсегда переданную святым. Если мы решим подтвердить авторство Петра, нам необходимо будет сделать это, учитывая трудности, связанные с приписыванием стиля и части содержания Петру как единственному автору.

Иероним и Кальвин указывают путь к базовому подтверждению авторства Петра. Этот текст, как минимум, в значительной степени передан через доверенного соратника Петра. Текст Второго послания Петра открывается типичной для писем формулой приветствия: отправитель — получателям, приветствие — развернутое, как это было характерно для писем в раннехристианских кругах.

Симеон Пётр, раб и апостол Иисуса Христа, принявшим веру, равную нашей, праведностью Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа: благодать и мир да умножатся вам в познании Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Это вступительное приветствие мало что, да что там, совсем ничего не даёт о слушателях. Оно лишь показывает, что они сами – христиане.

В начале 3-й главы автор ссылается на более раннее послание Петра. Это второе послание, которое я пишу вам, возлюбленные. В нём я стараюсь пробудить ваше искреннее намерение, напоминая вам, чтобы вы помнили слова, сказанные прежде святыми пророками, и заповедь Господа и Спасителя, возвещенную через ваших апостолов.

Возникает соблазн отождествить это более раннее послание с нашим Первым посланием Петра, что означало бы, что Второе послание Петра также адресовано

христианам одной или нескольких провинций Западной Малой Азии, к которым адресовано более раннее послание. Это римские провинции Азия, Галатия, Каппадокия, Понт и Вифиния. Но насколько мы должны полагаться на эту связь, рассматривая аудиторию этого послания? Предполагается, что Пётр написал только эти два послания, если он действительно написал оба, в течение трёх или более десятилетий своего служения.

Мы знаем, что выдающаяся апостольская фигура могла написать важные послания, которые были утеряны для потомков. В случае Павла мы могли бы назвать лишь предыдущее Послание к Коринфянам, на которое Павел ссылается в 1 Коринфянам 5:9-11, и слёзное послание, на которое Павел ссылается во 2 Коринфянам 2:3 и 4, а также Послание к Лаодикийцам, которое Павел упоминает в Колоссянам 4, если это не наше Послание к Ефессянам или не включено в наше Послание к Ефессянам, как предполагают некоторые исследователи. Ссылка автора Второго послания Петра на послания Павла, учащего, что долготерпение Божие призвано вести людей к покаянию, также вызывает некоторую проблему для аудитории в Западной Турции, поскольку только в Послании к Римлянам, глава 2:4, мы находим, что Павел делает именно это утверждение.

Презираете ли вы богатства Его благодати, кротости и долготерпения? Разве вы не понимаете, что Божья благодать призвана вести вас к покаянию? Поэтому я бы предпочёл не слишком акцентировать внимание на отождествлении слушания Второго послания Петра с слушанием Первого послания Петра, словно речь идёт о взаимоотношениях, подобных Первому и Второму посланиям к Фессалоникийцам или Первому и Второму посланиям к Коринфянам. Однако описание слушания в главе 1, стихе 2 заслуживает внимания тех, кто обрёл равноценную нам веру в праведность нашего Бога и Спасителя Иисуса Христа.

Таким образом, автор выражает благосклонность и уважение к своей аудитории, что всегда положительно влияет на её восприимчивость к любому последующему слову. Он также стратегически подчёркивает ценность веры, полученной аудиторией от её основателей, веры, включающей в себя убеждённость в том, что Бог действительно будет судить мир и призовет всех к ответу по праведным Божьим нормам, а также убеждённость в том, что нынешнее материальное творение не является окончательной и вечной ареной существования. Это может с самого начала дать аудитории понять, что вера, принятая ими изначально, обладает достаточной ценностью, чтобы противостоять нововведениям скептиков, проникших в общину или в те общины, к которым обращены эти слова.

В начале письма также может быть раннее утверждение божественности Иисуса, где говорится о нашем Боге и Спасителе Иисусе Христе, используя грамматическую конструкцию, которая убедительно свидетельствует о том, что автор имеет в виду единую сущность. Вариант перевода в Синайском кодексе: «Наш Господь и Спаситель Иисус Христос», вероятно, свидетельствует о недовольстве переписчика необычной, хотя и в конечном счёте ортодоксальной формулировкой: «Наш Бог и Спаситель Иисус Христос». Однако это малоизвестное толкование, вероятно, следует считать поправкой переписчика, поскольку оно менее сложное.

Вместо простых словесных приветствий мы находим, как и в большинстве новозаветных посланий, пожелание благодати и мира для адресатов. Прославление щедрого Божьего благоволения, конечно же, занимает центральное место во всех ранних христианских рассуждениях, но именно оно послужит отправной точкой для данного послания, как мы увидим в главе 1, стихах 3–11. Второе послание Петра стремится представить философски респектабельную, но при этом ортодоксальную веру.

В руках этого автора ортодоксальное христианство не уступает ни одной популярной философии того времени, способно выдерживать критику и отвечать на неё, но при этом не жертвует своими основополагающими принципами ради достижения этой респектабельности. Один из способов, которым автор продвигается в этом направлении, — это представить христианское ученичество как процесс неустанного развития в жизни, основанной на общепризнанных добродетелях, поскольку Его Божественная сила даровала нам всё для жизни и благочестия через познание Призвавшего нас славой и добродетелью Своею, которой Он даровал нам драгоценные и великие обетования, дабы вы посредством их соделались причастниками Божеского естества, убегая от господствующего в мире растления похотью.

Прилагая к этому все старание и дело, проявляйте в вере вашей еще и добродетель, в добродетели — рассудительность, в рассудительности — воздержание, в воздержании — терпение, в терпении — благочестие, в благочестии — любовь к братьям, в любви к братьям — любовь без меры. Ибо, как это у вас есть и умножается, то не сделает вас бесплодными и безплодными в познании Господа нашего Иисуса Христа. А у тех, у кого этого нет, настолько близоруки, что они слепы и забывают об очищении прежних грехов.

Итак, братия, всецело старайтесь делать твердым ваше звание и избрание, ибо, поступая так, вы никогда не преткнётесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.

Автор начинает с языка, который перекликается с надписями, провозглашающими решения города чтить своих благодетелей, например, теми, что появляются в общественных местах по всем городам, в которых живут адресаты. Благодеяния, которые этот автор прославляет, конечно же, являются дарованными Богом, Божественная сила которого даровала нам все для жизни и благочестия, призвавшим нас славой Своею и благостию, которыми даровал нам драгоценные и великие обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, убегая от господствующего в мире растления похотью. Автор концептуализирует спасение в чисто греческих терминах здесь, в главе 1, стихе 4. Спасение означает приобщение к Божескому естеству, которое следует понимать как включающее бессмертие, нравственное совершенство и полноту.

Спасение означает, в то же время, избавление от тления и распада, присущих материальному миру, распада, который автор приписывает влиянию желания на сферу человеческого опыта. Автор, возможно, использует здесь в самом начале язык и идеи греко-римской этической философии, чтобы дать своим слушателям уверенность,

прямо противопоставленную жалобам скептиков на апостольскую веру, в том, что полученная ими вера действительно просветлена и полностью соответствует высшим идеалам, прославляемым в греко-римском мире. Для меня в моём собственном американском контексте довольно контркультурно думать о желании как о чём-то негативном.

Меня всячески поощряют мечтать о большем, наслаждаясь благами и удовольствиями этой жизни, даже достигать в ней великих целей, как это понимают мои сверстники, сформированные обществом. Я сталкиваюсь со всевозможными соблазнами, которые пытаются разжечь во мне желание, будь то новый прибор, новая машина, новое лекарство, новый напиток, новая закуска, новый ресторан, новый пляжный курорт, новый фильм, новый компьютер, новые кухонные шкафы или новое транспортное средство. Желание кажется таким же нормальным и необходимым, как дыхание в мире, в котором я живу.

Наш автор обращается к нам из далёкой культуры, которая так же хорошо, как и мы, знала, что значит желать, но при этом была более критичной, более подозрительной в отношении желания и его влияния на человеческую жизнь. Общим для этики в греческий и римский период было следующее: чтобы прийти к последовательно добродетельной жизни, разум должен был всегда и неизменно брать верх над желаниями.

Однако дать волю своим импульсам, желаниям и чувствам означало отказаться от стремления к добродетелям, которые придавали жизни смысл. Этика раннего христианства была не менее строгой. Наш автор предупреждает нас, что желания во многом способствовали искажению Божьего благого мира и Его благого видения жизни в этом мире.

Жадность ведёт к неустойчивым экологическим практикам, к угнетению слабых ради большей доли вожделенных благ, к лишению других возможности иметь достаточно, чтобы я мог иметь больше. Сексуальное желание может привести к искажению отношений, их разрыву и даже к систематическому и жестокому преследованию людей, превращая их в объекты вожделения. Но желание не обязательно приводит к столь очевидному злу, чтобы способствовать разложению и разрушению мира.

Подозреваю, что для многих из нас наибольшую угрозу представляют банальные желания, которые просто отвлекают нас, занимают нас, высасывают наше время, внимание и энергию, отвлекая нас от дальнейшего продвижения по пути эвакуации, который Бог проложил для нас и к которому Он нас подготовил, в результате чего мы рискуем оказаться всё ещё бесполезно слоняющимися по эпицентру, когда грянет катастрофа. Но есть и святое желание. Бог дал нам драгоценные и великие обещания, и автор лишь призывает нас желать этого, становясь отражениями Божьей праведности в этом мире посредством работы Его духа внутри и среди нас, получая щедрый вход в вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа, место в неотфильтрованном присутствии Бога навсегда, разделяя Божью добродетель и благодать, а не тлен этого мира.

Божьи обетования предлагают нам то, чего действительно стоит желать. Если мы будем направлять свои желания на то, что обещал нам Бог, они будут работать на нас, а не против нас. Мы откажемся от самоуправления, ведущего в лучшем случае к отвлечению, а в худшем – к разрушению, и позволим себе двигаться к спасению.

Спасение, как с положительной, так и с отрицательной стороны, не предполагает мгновенной телепортации в безопасную гавань вечности. Скорее, оно представляет собой следование по пути эвакуации, милостиво проложенному Богом для нас, стремящихся избавиться от скверны, царящей в мире через желания. В этом отношении показательно заключение автора к данному абзацу.

Именно следуя этим путём эвакуации, мы получим доступ в вечное Царство нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, как мы читаем в стихе 11 главы 1. Автор прославляет милостивое Божье обеспечение. В то же время он призывает своих слушателей с благодарностью откликнуться на это обеспечение. Обетования, данные им Богом, должны вызывать ревностный и усердный отклик, как утверждает автор в стихе 5. Именно в отношении этого, а именно Божьего обеспечения спасения от тления, которое в противном случае является целью существования каждого человека, проявите всю ревность, чтобы совершить путь, ведущий к наслаждению великими и драгоценными Божьими обетованиями, а именно – к входу в вечное Царство нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа.

Подобно тому, как надписи в честь благодетелей постепенно перерастают в описание действий, которые получатели согласились совершить в честь благодетеля, так и наш автор излагает действия, которые слушатели должны продолжать совершать, чтобы чтить дары и обетования, дарованные Богом, а также чтить дорогостоящие инвестиции, вложенные в них божественным благодетелем, чтобы сделать это возможным. Автор указывает путь, план спасения, путь эвакуации, по которому мы сможем и дальше оставлять позади мир, подверженный тлению и разрушению, и продолжать двигаться вперёд к входу в вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа, которое ознаменует наше прибытие в безопасную, вечную гавань. Прилагая к этому всё тщание, проявляйте в вере вашей ещё больше добродетели, в добродетели вашей – рассудительность, в рассудительности вашей – воздержание, в воздержании вашем – терпение, в терпении вашем – благочестие, в благочестии вашем – любовь к братьям и сёстрам, а в любви к братьям и сёстрам – любовь безграничную.

Ибо, поскольку всё это есть у вас и умножается в вас, то это позаботится о том, чтобы вы не остались без плода и не остались без плода в познании Господа нашего Иисуса Христа. Автор использует здесь риторический приём, известный как сорит, или кульминация. Оратор предлагает цепочку идей, каждая из которых является звеном, ведущим к следующей.

Этот приём особенно полезен, когда говорящий хочет обозначить путь и его последствия. Его можно использовать как предостережение, как в Послании Иакова, глава 1, стихи 14–16, где похоть, зачав, рождает грех, а грех, достигнув зрелости, рождает смерть. Его можно использовать и для поощрения следования пути, как в «Премудрости Соломона», глава 6, стихи 17 и далее, где стремление к наставлению

есть любовь к мудрости, а любовь к мудрости означает соблюдение её законов, а соблюдение её законов приносит уверенность в бессмертии, а бессмертие приближает к Богу.

Таким образом, этот приём здесь уместен, поскольку автор описывает путь, который верующие должны пройти, чтобы достичь обещанной Богом цели. Обретение веры — это только начало. Отправная точка этого плана эвакуации.

В разгар своей веры, питайте себя и добродетелью. Автор использует греческое слово «arete», означающее моральное превосходство или приверженность высшим этическим стандартам. Вера в Иисуса и его обещания должна приносить плоды в нравственном преображении.

В процессе возрастания в добродетели автор призывает к росту знаний. Не эзотерических, а всё более полного познания не менее ценной веры, в которую адресаты были посвящены, начиная с учений Иисуса и апостолов, и заканчивая практическим знанием жизни, основанной на нравственном совершенстве, и уверенностью, что её преимущества перевешивают любые издержки. Автор имеет в виду знания, которые помогают человеку проявлять самообладание.

Это обязательство имеет первостепенное значение, где желание — главный источник разложения, распада, гибели, от которых мы бежим. Более того, автор утверждает, что верующему необходима выносливость, чтобы сохранять энергию для этого полёта в течение долгого времени, сопротивляясь всем соблазнам и отвлекающим факторам, противостоя поразительным культурным силам, противостоящим нашей приверженности самоконтролю. Эти силы ежедневно проповедуют самоудовлетворение, потворство своим желаниям и эгоцентричные инвестиции.

Помимо терпения, автор призывает к развитию благочестия, набожности, жизни, в центре которой — Бог, где отдача Богу Его долга — высший приоритет. И, конечно же, если стремление жить с Богом в центре прочно укоренилось, терпение и самообладание придут сами собой. В рамках такой жизни, сосредоточенной на Боге, автор призывает к постоянному развитию любви к братьям и сестрам в доме Божьем.

Греческое слово «Филадельфия», обозначающее любовь, которая должна была характеризовать отношения между братьями и сестрами, получило большое внимание в греко-римской этике. Она должна была проявляться в стремлении к общим идеалам, совместному использованию материальных ресурсов, сотрудничеству ради общего блага, а не соперничеству друг с другом ради личной выгоды, сохранению гармонии и прощению обид. Именно этот этический принцип ранние христианские лидеры стремились взрастить среди тех, кого Бог сделал братьями и сестрами в семье, созданной Им через усыновление в Своем Сыне Иисусе Христе.

Помимо этого, и в довершение всего, автор рекомендует развивать агапе, то, что я обозначил как любовь, не знающую границ. Любви, которая не зависит ни от чего внешнего, от каких-либо родственных связей, будь то природных или духовных, а просто проистекает из характера, наконец достигшего того места, где он разделяет божественную природу, о которой говорил автор. Божественную природу Бога, Который есть любовь, согласно 1 Иоанна, глава 4. Этот смысл не был изначально

присущ греческому слову «агапе», но ранние христиане ухватились за этот менее часто используемый термин для обозначения любви в своём мире и использовали его как центральную точку для развития своего особого этоса любви к ближним, как возлюбил их Христос.

Автор заверяет своих слушателей, что, поскольку всё это принадлежит вам и у вас предостаточно, оно гарантирует, что вы не останетесь бесплодными и продуктивными в познании Господа Иисуса Христа. И, по словам автора, выращивание этих конкретных плодов и, по сути, доведение их до полного и обильного урожая – это далеко не необязательное дополнение к вере. Он продолжает: люди, которым этого недостаёт, настолько близоруки, что слепы, забывая об очищении прошлых грехов.

Образ серьёзной близорукости, хотя, возможно, и не самый добрый, действительно уместен. Одна из величайших угроз нашей способности приложить все усилия к развитию жизни, ради которой Христос умер и освободил нас, — это дела сегодняшнего дня, день за днём. И, если быть честным, безделье сегодняшнего дня, день за днём, — это часы, которые мы часто просто тратим на пассивные развлечения и, в конечном счёте, бессмысленные отвлечения.

Автор призывает христиан быть дальновидными людьми, людьми, живущими, устремив свой взор на горизонт зари пришествия Христа, устраивая всю свою жизнь уже сейчас так, чтобы в тот день оказаться непорочными и даже прославиться. Вспомните слова из другой знакомой притчи: «Хорошо, добрый и верный раб». Продолжайте уделять львиную долю своего внимания и усилий сегодня занятиям и развлечениям, которые не будут иметь значения в тот день.

Какое лучшее определение мог дать автор, чем тяжелейшая форма близорукости? Однако автор добавляет ещё одно обвинение. Не двигаться вперёд по этому пути эвакуации — значит забыть о дорогостоящем вкладе, который Иисус вложил в вас, чтобы направить вас на этот путь, вычеркнув из вашего сознания очищение от прошлых грехов. Забвение дарованных вам благ считалось в мире автора прискорбной ошибкой.

Цицерон, римский сенатор и государственный деятель середины I века до н. э., писал: «Все люди презирают забвение благодеяний, считая его личным оскорблением, поскольку оно отбивает охоту к щедрости. Неблагодарных они считают врагами всех нуждающихся». Аналогичным образом, Сенека, писавший столетием позже, сказал, что человек, не возвращающий дар, неблагодарен, но тот, кто забыл о даре, сделанном когда-то, — самый неблагодарный из всех».

Кто более неблагодарен, чем человек, который настолько полностью забыл о даре, который должен был оставаться главным в его мыслях, что утратил всякое знание о нём? Факт их очищения от греха, который все слушатели связывают со смертью Иисуса за них и, следовательно, понимают, что это действительно дорогостоящее благо, полученное на основе доверия, также побуждает их к единственному ответу на Божий дар, который имеет хоть какой-то смысл, поскольку этот великий дар требует жить той жизнью, для которой это очищение было изначально даровано. Итак, наш автор завершает этот абзац словами: «Поэтому, братья и сёстры, всецело посвятите себя

тому, чтобы ваше призвание и избрание были твёрдыми, ибо, делая это, вы никогда не оступитесь, ибо так вам будет дарован вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». Автор может подвергнуть сомнению наши представления о спасении и ответы, которые мы можем носить в голове и проповедовать с кафедр на вопрос: «Что мне делать, чтобы спастись?» Для автора Второго послания Петра спасение — это не просто вопрос отдельного решения; это вопрос следования маршруту эвакуации.

Решение важно, но это должно быть решение следовать по пути эвакуации, потому что спасение и безопасность находятся в конце пути эвакуации, а не в его начале. Путь начинается с веры, и вера направляет нас на путь уподобления Христу, к жизни ради других, к полной самоотдаче, позволяя Богу осуществить Его замыслы относительно того, кем мы станем и какой плод мы принесём Ему в течение всей нашей жизни. Джон Уэсли и методисты во многом разделяли взгляды этого автора на спасение.

Среди ранних методистов главным условием вступления в группу было, как говорится, желание избежать грядущего гнева, и суть этого бегства заключалась в пожизненном обязательстве использовать всю помощь, данную Богом, все средства благодати для возрастания в святости и праведности. Члены движения стремились и поощряли друг друга прилагать все усилия, чтобы найти способ отстраниться от причинения вреда и посвятить себя как можно большему добру, одновременно стремясь к второму покою, который, как считалось, был целью Святого Духа для каждого христианина. А именно, достичь состояния, когда любовь к Богу и любовь к ближнему направляют все действия и взаимодействия человека.

Следование за Христом подразумевало долгое послушание в том же направлении, а не долгое бездействие на одной и той же скамье. Вместо того, чтобы задавать неблагоприятный вопрос: «Сколько мне нужно сделать, чтобы действительно спастись?», автор призывает своих слушателей жить благодатным ответом. Он говорит им, что путь к утверждению своего призвания и избрания Богом лежит не через формулирование каких-то ленивых богословских аргументов, с помощью которых мы могли бы попытаться оправдать себя, отказавшись от Божьего пути эвакуации.

Напротив, он призывает нас удостовериться в своём призвании и избрании, стремясь к живому отклику на Божье призвание и избрание, делающие нас людьми, принадлежащими вечному Царству Господа нашего Иисуса Христа, месту, где обитает праведность. Мы сделаем это, утверждает автор, посвятив себя следованию пути, к которому нас естественным и справедливым образом ведут все проявления божественной силы Бога. В этом, по мнению автора, заключается надёжнейшее основание для любой доктрины уверенности.

Делая все это, вы наверняка не споткнетесь на пути к этому Царству.